

КАК ПО-НАСТОЯЩЕМУ ЛЮБИТЬ ДЕТЕЙ

Уважаемые родители, давайте сегодня поговорим о родительской любви, о ее силе и значении, о разумности, о чувстве меры, чтобы не перекормить ребенка и не держать его на голодном пайке, лишая ласки, внимания, заботы, дружеского расположения.

Жизнь и наука доказали, что все беды у детей, а потом и взрослых объясняются ошибками семейного воспитания, главная из которых – отсутствие любви и неумение хвалить и поощрять своих детей.

Самое главное для ребенка – чтобы его любили таким, какой он есть. Буквально вчера мне пришлось наблюдать такую картину.

Мама привела дочку в школу, она учится в 4-м классе, страдает тяжелой формой заикания, но учится хорошо.

Печальное, страдальческое лицо матери, да и весь ее внешний вид – мука и страдание не придают дочери уверенности в себе. В дочери материнские страдания удесятятся! В их расставании были печаль и страх. Девочка на переменах сидит, не играет с детьми, вся поникшая такая, замкнутая, необщительная маленькая страдалница. В этом же классе мальчик с таким же расстройством речи, но мама ведет себя по-другому, не показывает ребенку свою боль и мальчик растет живым, энергичным, общительным. И мать, и мальчик относятся к беде без надрыва и страданий.

Выдающийся педагог В.А. Сухомлинский говорил: "Там, где нет мудрости родительского воспитания, любовь матери и отца к детям уродуют их. Есть много разновидностей этой уродливой любви, главное из них:

- любовь умиления,
- любовь деспотическая,
- любовь откупа.

(Рассказывают три ученицы)

Любовь умиления – это самое печальное, что можно себе представить в отношениях родителей и детей. Это инстинктивная, неразумная, иногда напрашиваются слова – куриная любовь. Мать и отец радуются каждому шагу ребенка, не задумываясь над тем, какой это шаг и к чему он может привести.

Любовь умиления развращает душу ребенка прежде всего тем, что он не знает удержу своим желаниям; принципом его жизни становится девиз дикаря, подлнца, хулигана: все, что я делаю, мне разрешается, ни до кого мне нет дела, главное – мое делание. Ребенок, воспитанный в духе умиления, не знает, что в человеческом общежитии есть понятия "можно", "нельзя", "надо". Ему кажется, что ему все можно. Он вырастает капризным, нередко болезненным существом, для которого малейшее требование жизни становится непосильной тяжестью. Воспитанный в духе умиления – эгоист, как говорится, до мозга костей. Он не знает своего долга перед родителями, не умеет и не хочет трудиться, потому что не видит людей и не чувст-

вует сердцем, что у тех, кто его окружает, и прежде всего у матери, отца, бабушки, бабушки, есть свои желания, свои потребности, свой духовный мир. У него складывается твердое убеждение в том, что он приносит счастье, радость родителям уже тем, что он живет на свете, существует.

Дети – радость нашей жизни, мы живем и трудимся во имя счастья детей. Все это – бесспорные истины. Но говорить об этом детям, устраивать инсценировки, подчеркивающие эту мысль (например, в торжественной обстановке передавать ключи от школ и детсадов), – это значит развращать детей, создавать червоточину в гражданской сердцевине человека.

Есть еще одна разновидность неразумной, инстинктивной родительской любви. Это любовь деспотическая.

"Рабочая газета" опубликовала письмо 16-летнего юноши, девятиклассника одной из школ Кривого Рога Толи Н. Это письмо продиктовано отчаянием. Юноша учится на "4" и "5", делает дома все, что надо делать для помощи родителям, – моет полы, посуду, чистит одежду и обувь всей семье. "Родители и одевают меня хорошо, и заботятся, чтобы я ел хорошо, – пишет Толя, – но купят какую-нибудь обновку и без конца попрекают..." Постоянные упреки создают обстановку настоящего ада. И все это родители делают, как они говорят, только потому, что любят сына, желают ему добра, учат жить – чтобы умнее был и родителей уважал.

Гнусный деспотизм невежественных родителей – это одна из причин того, что у ребенка с малых лет извращается представление о добром начале в человеке, он перестает верить в человека и человечность. В обстановке деспотического самодурства, мелочных придирок, постоянных упреков маленький человек ожесточается.

Был сын маленьким мальчиком – был добрым, сговорчивым, послушным; стал подростком – стал грубым, своенравным. Почему это так происходит? Я тысячу раз убедился, что причина этого явления – в неумении родителей пользоваться родительской властью; в том, что принуждение осознается и переживается ребенком как злая сила, подавляющая его волю. Родительская власть должна поощрять, одухотворять внутренние силы ребенка – его желание быть хорошим. Это желание есть буквально у каждого ребенка, и с тончайшим своим инструментом – родительской властью – надо подойти к ребенку так, чтобы не сломать этого еще нетвердого, хрупкого душевного порыва. Если же вы превратили умную, мудрую власть в деспотическое насилие – неокрепшее желание быть хорошим лопнет, и произойдет самое тревожное, что может произойти в душе у ребенка.

Уважайте детское желание быть хорошим, берегите его как самое тонкое движение человеческой души, не злоупотребляйте своей властью, не превращайте мудрость родительской власти в деспотическое самодурство, не сломайте человеческого желания вашего ребенка быть хорошим. Помните, что ваш сын, ваша дочь – такой же человек, как и вы, его душа явно протестует, когда кто-то пытается сделать его игрушкой своего произвола.

Третья разновидность неразумной родительской любви – **любовь откупа**. Есть отцы, искренне убежденные в том, что, обеспечивая все материальное потребности детей, они выполняют свой родительский долг. Ребенок одет, обут, сыт, здоров, у него есть все учебники и наглядные пособия – что же вам еще надо? матери-

альными затратами, считают такие отцы, можно измерить родительскую любовь, на худой конец откупиться...

Здесь мы имеем дело с небольшим числом отцов (но они есть и о них надо говорить) – людей, страдающих неизлечимым пороком – нравственно-эмоциональной толстокожестью. По существу они не знают, что такое родительская любовь. Почему речь идет прежде всего об отцах? Потому что среди матерей, связанных с детьми узами духовной общности, таких людей почти нет. Нравственно-эмоциональная толстокожесть, бездушное отношение к своим детям – далеко не всегда результат низкого уровня образования отца. Это результат порочного взгляда на воспитание детей как на что-то совершенно обособленное, отделенное забором от общественных обязанностей.

Если в такой семье и мать не уделяет достаточного внимания детям, если она не стала центром духовной жизни детей – их окружает атмосфера духовной пустоты, убожества. Они живут среди людей и не знают людей – вот что наиболее опасно в таких семьях: их сердцам совершенно незнакомы и недоступны тонкие человеческие чувства, прежде всего ласка, участливость, сострадание, милосердие. Они могут вырасти эмоционально невежественными людьми.

Ведущий. Какой же должна быть подлинная родительская любовь? Что оставлять в сердцах сыновей и дочерей наших, чтобы они выросли настоящими людьми? Как добиться, чтобы родительская любовь заиграла в детских сердцах неугасимые искры благодарности? Чтобы золотые крупинки, которые дарят мать и отец сыну, дочери, превращались в золотые россыпи для людей, для народа?

Учить ребенка видеть и понимать людей – это, пожалуй, самое сложное в трудном деле воспитания человека. Родительская любовь должна быть такой, чтобы у ребенка пробуждалась чуткость сердца к окружающему миру, ко всему, что создает человек, что служит человеку, и, конечно, прежде всего, к самому человеку.

Ведущий. Дети – наши постоянные свидетели, где-то краем глаза они видят наше падение, срывы, провалы как бы мы ни старались это скрыть. Краем уха слышат, как мы разговариваем с друзьями, соседями, просто случайными попутчиками. Резкий тон, недоброе слово родителей по отношению других непременно оставляют след в поведении и мироощущении ребенка, послужат примером для невольного подражания хотим мы этого или не хотим. К сожалению, этот образ жизни и будет усвоен детьми. как же надо не любить свое дитя, чтобы отправить его в жизнь со своими недостатками.

То, как ребенок воспринимает самого себя, зависит от наших оценок. И если мы оцениваем не его поступки, а его персону, то он находится в постоянной тревоге, ожидая нашего одобрения.

Сравните два варианта поведения родителей (инсценирование, ведущий, мама и сын).

Первый вариант. "Знаешь, я чувствую себя счастливой, когда у тебя так отлично идут дела в школе". Такого рода высказывание – сущая диверсия, подрывающая самооощущение, самоуважение ребенка. Такой ребенок приходит в ужас, сделав на контрольной ошибку. Его вечное стремление – чтобы родители гордились им и были счастливы от его школьных успехов.

Другой вариант: "Я вижу, ты стал писать без ошибок и очень аккуратно. Ты, наверняка, получаешь удовольствие от занятий этим предметом". Такое высказывание вдохновляет ребенка в его стремлении находить удовлетворение и удовольствие от того, чем он занимается. Родители, выбравшие второй вариант поведения, не связывают в сознании ребенка свою любовь к нему с его достоинствами или недостатками, с его успехами и провалами.

Тот же принцип хорош и когда мы хотим скорректировать поведение ребенка. Допустим, он вернулся домой поздно. Значительно позже того часа, о котором мы с ним условились. Можно сказать ему: "Ты нарушил обещание. Завтра вечером тебе придется остаться дома". Звучит сурово. Однако это лучше обычного: "Ты безответственный, эгоистичный ребенок, ты думаешь только о себе, тебя совершенно не волнует то, что мы пережили, ожидая твоего возвращения, тебе, кажется, на нас наплевать..."

Эта тирада подразумевает вопрос: "Как ты мог так поступить?" А это недопустимый, невозможный вопрос. Потому что на него нет ответа. Избегайте таких вопросов. Они вызывают чувство стыда и унижения, но редко улучшают поведение и совсем не развивают чувство ответственности за свои поступки. По сути, такой способ воздействия – стыдить и унижать – вбивает, и довольно серьезно, клин в отношении детей и родителей.

Если мы ждем от ребенка очень многого – он растерян и подавлен, потому что боится не оправдать наших надежд. Если он сам ждет от себя очень многого, он дерзает и стремится превратить свои надежды в реальность.

Ведущий. Воспитывая ребенка, мы только и думаем, как мы воздействуем на него и совсем не предполагаем, что дети тоже на нас действуют, действуют куда сильнее, чем нам кажется. Именно дети делают нас красивее, добрее, покладистее, умнее, собраннее, счастливее. Мы у них многому можем научиться, особенно терпению и умению прощать.

Родительская любовь должна иметь отклик в душе ребенка, плохо, когда она будет безответной. Давайте посмотрим разговор матери с сыном и поймем – только разумная материнская любовь подарила ей ответную любовь сына. "Посмотри, – как думает твой ровесник, что его волнует в отношениях (читают вместе текст).

Если ребенок растет в терпимости,

Он учится принимать других.

Если ребенка подбадривают,

Он учится верить в себя.

Если ребенка хвалят,

Он учится быть благодарным.

Если ребенок растет в честности,

Он учится быть справедливым.

Если ребенок растет в безопасности,

Он учится верить в людей.

Если ребенка постоянно критикуют,

Он учится ненавидеть.

Если ребенок растет во вражде,

Он учится агрессивности.

*Если ребенка высмеивают,
Он становится замкнутым.
Если ребенок растет в упреках,
Он учится жить с чувством вины...*

– Вот видишь, – возразил сын, – а ты меня растишь в упреках!

Но моя реакция на это удивила меня еще больше. Так бывает, когда где-то в подсознании, может быть, все уже накопилось и созрело и вдруг прорвало:

– Но ведь ты тоже растишь меня в упреках! Что ты так смотришь? Достоевский вообще сказал, что ко всем надо относиться, как к детям, а к некоторым, как к больным детям. Представляешь, если бы ты относился ко мне, как к своему ребенку, и применял на практике те правила, о которых мы вместе читали!

И вдруг я вспомнила одну историю. Лет пятнадцать назад я попала в больницу. Как-то утром сквозь сон слышу ласковые, нежные слова, утешающие, подбадривающие. Их говорил шестнадцатилетний сын своей матери. Оторвать взгляд от этой пары было невозможно. Когда сын ушел, ко мне вернулся дар речи:

– Как вам это удалось?! Ваш сын относится к вам, как к ребенку!

И Валентина Николаевна рассказала мне о своей семье.

– Маленькому Диме был месяц, когда у его отца начались тяжелые приступы агрессивности – так проявлялась его болезнь. И когда я поняла, что меня не слышат, рассказывает Валентина Николаевна, а просто колотят все, что есть в доме, – завернула ребенка в одеяло и ушла. От работы дали комнату в общежитии, и мы стали жить с сыном вдвоем. Как только мальчик научился ходить – у него появились обязанности. Пусть самые простые. Например, каждое утро отрывать листок календаря. Но я давала сыну понять, как это важно.

В три-четыре года мальчик читал и писал по-русски, по-английски. В спецшколу, которая была недалеко от дома, он ездил на такси, чтобы выглядеть всегда аккуратным. И деньги на это находились, потому что у мамы была только одна юбка и много дополнительной надомной работы. (Валентина Николаевна – машинистка в журнале.) В шестнадцать лет Дима блестяще сдает экзамены в Институт международных отношений.

Удивительно, что вся эта потрясающая материнская самоотдача не выплеснулась потом детским эгоизмом. Может быть, секрет в том, что с самых ранних лет мама с сыном была на равных в труде, в отдыхе, в самосовершенствовании. И сын никогда не переставал видеть в маме человека.

Ведущий. Детская доверительность и непосредственность часто вызывает у нас чувство раскаяния.

– Поразмышляем вместе (девочка читает текст проникновенно, выразительно).

Общение с ребенком – это всегда искушение. Он слабее меня, он меньше знает, он не может без меня жить. Значит, я могу командовать, диктовать условия, сердиться на него, негодовать, если он не слушается.

Я могу делать с ним все, что хочу.

Родителю, который с этим согласится, на свете жить легко – он поступает в соответствии со своими представлениями. Он уверен в своей правоте. И если выросший ребенок не оправдает ожиданий, есть на кого свалить вину: на школу, общество, дурную компанию или природные склонности человека.

Трудно становится, когда ты с самого начала решаешь для себя: я не буду поддаваться соблазну, я не буду давить, покрикивать на него. Я не буду пользоваться своей властью.

Отважившись на истинную любовь и свободу в отношениях с детьми, сильно рискуешь, ведь никто не может предсказать заранее, чем все обернется.

Иногда думается, что потребность человека в детях не только инстинкт продолжения рода.

Может быть, ребенок – одна из попыток Бога. Научить прощать. Научить любить. А что если это попытка научить раскаянию?

Представим такую ситуацию: двухлетний сын не желает засыпать. Просит последовательно: воды, пирожок, потом плюшевого медвежонка, затем другую книжку. Какую другую? Эту? Нет, не эту! Не-е-ет, вон ту-у-у!

Раздражаешься. Говоришь железным голосом и смотришь медным взглядом: "Дорогой мой, если ты сейчас же..."

Он, конечно, подчинится. Уснет, доверчиво положив голову на твою ладонь. Он простит тебе и железный голос, и медный взгляд.

И вот когда понимаешь в очередной, девятьсот девяносто девятый раз: ничто не способно поколебать его любовь к тебе, – тогда-то и наступает раскаяние. Настоящее, такое, за которое все простится.

Но ведь и это надо пережить достойно. Не заискивать, не пытаться загладить вину притворством, неверным, фальшивым тоном. Потому что подарить игрушку или книжку в счет своих грехов всегда легче, чем попросить прощения как у равного.

Ведущий. Как часто мы, родители, бываем безоглядно увлечены бытом: старательно моем, стираем, готовим, вообще бдительно следим за порядком, оставляя на потом общение с ребенком, тихие разговоры с ним. Нам некогда узнать его внутренний мир, мир его тревог и волнений, просто услышать и понять его. Нам часто кажется, что у детей не бывает проблем, что у них сплошные пустяки, а они серьезно переживают свои беды и не надо гасить их чувства. Воспитание чувств ребенок получает в семье.

Вспоминаю печальную историю из своей практики. Как-то я приехала в пионерский лагерь, где были наши студенты на практике, и они мне рассказали, какой у них в отряде трудный ребенок. Парнишка – воспитанник детского дома. Вырос не только без любви, но, пожалуй, и просто без человеческого участия.

Не испытав чувств сострадания в людском общении, он хотел увидеть их проявление в другом мире. Парень уходил на берег реки, где ласточки вили гнезда, и разорял их, он отрывал птенцам головы и смотрел, как метались птицы, жалобно крича над разоренными гнездами. Сидел и смотрел. Когда его спросили, зачем он это делал, он ответил: №Я хотел посмотреть, как плачут их мамы". Не испытав любви, сострадания, участия, ребенку трудно жить. Эти чувства зарождаются и проявляются в семье, их необходимо культивировать.

Один древний философ как-то сказал: "Меня мой учитель так долго и много хвалил, что я в конце концов стал хорошим". Умение хвалить своего рода талант. Один из редких, кстати. Похвала – лучший способ закрепить положительные поступки, она улучшает взаимоотношения родителей и детей. Не умеют хвалить те, кого в детстве мало хвалили или не хвалили вообще.

Похвала матери, отца в особенности, окрыляет ребенка. Скажите мне доброе слово, и я оправдаю его, скажите мне доброе слово и я приумножу его. В похвале ребенок зримо ощущает родительскую любовь.

Уважаемые родители, вы должны знать – нет готовых рецептов в воспитании, есть только советы, рекомендации. И только чуткое сердце матери и отца найдут правильное решение.

А сегодня вечером найдите время тихо, мирно поговорить с ребенком, приласкать его, спокойно отправить спать свое дитя, а утром улыбка матери, ласковый голос разбудят ребенка с хорошим настроением встретите наступивший день. Всего вам доброго, растите хороших людей, чтобы они жили с постоянным желанием приехать к маме или позвонить, в постоянной мечте о тепле родительского дома.